

празднованием 50-летия установления дипломатических отношений с КНР и 50-летия образования КНР – <http://www.referent.ru/170/1796>;

15. Российско-китайская научная конференция // Экспресс – информация №9. – М.: ИДВ РАН, 1994. – Ч.1. – С.12-13.

16. Сайт базы официальных документов РФ «Предпринимательское право» http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_14854.html

17. Сборник Российско-Китайских договоров 1949 – 1999 гг. – М., 1999. – С. 312.

18. Совместная российско-китайская декларация // Проблемы Дальнего Востока. – 1993. – №1. – С.5.

19. Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНР о создании и организационных основах механизма регулярных встреч глав правительств России и Китая. Сборник Российско-Китайских договоров 1949-1999 гг. – М., 1999. – С. 396; Протокол I заседания Комиссии по подготовке регулярных встреч глав правительств России и Китая. Сборник Российско-Китайских договоров 1949-1999 гг. – М., 1999. – С. 399.

20. Цит. по: Michael Cox/ From the Cold War to Strategic Partnership? US-Russian Relations Science the End of the USSR // Russia after the Cold War. – Essex. – 2000. – P. 265.

21. 顾关福, 田荣芬 Гу Гуаньфу, Тянь Жуньфэн. 眼睛中的俄罗斯对外政策 Яньцзинь чжун дэ элуосы дуйвайчжэнцэ. Через призму российской внешней политики // 现代国际关系 Сяньдай гоцзи гуаньси. – 1994. – №8. – С. 18.

УДК 269.6

Андреева Светлана Геннадиевна, к.ист.н., н.с.

Отдел Китая

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

Институт востоковедения Российской академии наук

surfgrid-to@list.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В КИТАЕ И ЯПОНИИ (XVIII – XX ВВ.)

Аннотация. В статье анализируется деятельность Русской Православной Церкви (конкретно, Русских православных миссий) в Китае и Японии, история, специфика и результативность этой деятельности.

Ключевые слова и фразы. Российская (Православная) Духовная Миссия в Китае, Русская Духовная Миссия в Японии, миссионерская деятельность, международные отношения

Andreeva Svetlana Gennadyevna, *Cand. Sc. (History)*, research fellow
Department of China
Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
surfgrid-to@list.ru

RUSSIAN ORTHODOX CHURCH ACTIVITIES IN CHINA AND JAPAN (XVIII – XX centuries)

Abstract. This article represents the analysis of activities of the Russian Orthodox Church (and in particular, the Russian Orthodox Missions) in China and Japan, of the history, specific features and effectiveness of such activities.

Key words and phrases. Russian Orthodox Mission in China, Russian Orthodox Mission in Japan, missionary activities, international relations.

История миссионерской деятельности Русской Православной Церкви представляется довольно неоднозначной по своей эффективности и результативности. Особенно это касается стран с принципиально отличным от российского (христианского) цивилизационным фундаментом. При этом трудности проповеди могли обуславливаться не только существенными, подчас кардинальными, различиями менталитета и мировосприятия, крепостью и развитостью местных верований и религиозных систем, но также разнообразными политическими и экономическими факторами, ограничивавшими, препятствовавшими или, в определенной степени, «задававшими» область и направление такой деятельности. Наиболее репрезентативным примером в этом плане можно считать историю существования и деятельности российских православных духовных миссий в Китае и Японии. Несмотря на несомненные и весьма существенные культурные, исторические и иные различия между Китаем и Японией, в контексте рассматриваемой проблематики сопоставление этих двух стран представляется правомерным по ряду параметров. В обеих странах одним из базовых цивилизационных элементов является конфуцианство, которое определенным образом влияло на выстраивание мировоззренческой системы и специфической иерархической структуры общества. Далее, одной из наиболее важных характеристик культур Китая и Японии является религиозный синкретизм, обуславливавший на протяжении истории и в настоящее время сосуществование, а подчас, и своеобразную функциональную «взаимодополняемость» в социальном плане различных религиозных учений и верований. Этим обстоятельством, в частности, объясняется и тот факт, что, несмотря на имевшие место в обеих странах на определенных исторических этапах гонения на христианских проповедников и их последователей, в основе таких конфликтов чаще лежали не религиозно-догматические противоречия, а причины

политического и экономического характера. В обеих странах некоторая активизация (Китай) или, собственно, начало (Япония) проповеди православия оказались непосредственно связаны с заключением международных политических договоров середины XIX в. (Тяньцзинский договор 1858 г. между Россией и Китаем; Симодский трактат 1855 г. между Россией и Японией, с последовавшей за ними отменой антихристианских указов), узаконивших пребывание и деятельность европейцев (и российских подданных), в том числе миссионеров, на территории указанных государств.

В 2015 году исполнилось 300 лет с момента формального создания Российской (Православной) Духовной Миссии в Пекине. В 1715-1716 гг. появилось первое в истории российское учреждение постоянного характера в Китае, вообще, и первая миссионерская организация среди тех, что создавались российским правительством и Русской Православной Церковью за границей, прежде всего, в странах Востока. При этом отличительной, и весьма примечательной, чертой Пекинской Духовной Миссии являлось то, что она, будучи по форме миссионерским учреждением, имела своей официально заявленной целью не проповедь православия среди местного населения, а поддержание веры и исполнение духовных потребностей уже существовавшей в Пекине паствы – группы казаков, оказавшихся на территории Китая после захвата войсками Цинской империи крепости Албазин на Амуре (1685 г.). Важно отметить, что такой порядок организации официальных зарубежных представительств РПЦ фактически являлся обычной практикой. В большинстве случаев (прежде всего это касается миссий, находившихся в странах Дальнего Востока и Центральной Азии), появление православных священников было обусловлено не стремлением к проповеди православия среди иноверческих народов, а необходимостью обеспечить удовлетворение религиозных потребностей подданных Российского государства, по тем или иным причинам оказавшихся в данном месте. Таким образом, формальным условием учреждения православной миссии фактически являлось наличие некоторой русской диаспоры. При этом – если речь идет о Дальнем Востоке – лишь Духовная Миссия в Пекине была образована при отсутствии каких-либо иных официальных российских учреждений на территории Китая. Создание миссий в Японии (и Корее) происходило в несколько иных условиях, а именно после установления официальных дипломатических отношений между Россией и Японией (Россией и Кореей, соответственно). Так, предпосылкой создания Японской Духовной Миссии стало открытие в 1859 г. в Хакодате русского консульства во главе с И.А. Гошкевичем (1814-1875). Российские священники впервые появились в Японии для ведения служб в церкви при консульстве. Лишь через 10 лет Духовная Миссия была основана в Хакодате, и только в 1872 г. переведена в Токио, где открылось русское посольство.

Одной из наиболее характерных особенностей деятельности Русской Православной Церкви за границей, без сомнения, являлась определенная осторожность в действиях. Это было обязательным требованием политических кругов Российского государства, а нередко и объективным следствием внутренней ситуации в конкретной стране. Опасаясь возникновения эксцессов –

осложнений или трений в связи с действиями миссионеров, конфликтов с правительством и политическими ведомствами конкретной страны, возможных противоречий с католическими и протестантскими проповедниками, что потенциально могло бы негативно отразиться на отношениях России с западными державами, и т.д., - российские правительственные и дипломатические круги стремились минимизировать масштабы деятельности духовных миссий. Признавая в целом важность присутствия российских духовных миссий в той или иной стране в качестве хотя бы некоторого «противовеса» западным религиозным организациям, российские дипломаты, тем не менее, нередко выступали против чересчур активной проповеди православия, придерживаясь того мнения, что членам миссий надлежит, прежде всего, сосредоточиться на удовлетворении духовных потребностей подданных России в данной стране.

В виду соответствующих указаний правительства Святейший Синод в своих действиях в данном направлении был, фактически, поставлен в определенные рамки. Так, при учреждении всех миссий за границей начальники их имели духовный сан архимандрита, что с одной стороны, было достаточным, чтобы возглавлять религиозное учреждение и осуществлять необходимые церковные службы, а с другой, это духовное звание было недостаточно высоким, чтобы вызвать какие-либо подозрения у правительства соответствующего государства или у европейских миссионеров, опасавшихся конкуренции своему влиянию. В большинстве случаев Синод не имел возможности оказывать ни политическую, ни достойную финансовую поддержку российским православным миссиям за границей, что не могло не отражаться на эффективности их деятельности. Это, а также ряд других факторов (как то: отсутствие школы подготовки «профессиональных» миссионерских кадров для работы в странах иной культуры; особенности внешнеполитического курса России, определявшего и, зачастую, лимитировавшего масштабы деятельности миссионеров; недостаточность знаний о других народах и странах, где предполагалось вести проповедь, а также стремления понять иные культуры, что необходимо для формирования контакта с потенциальными обращаемыми, и т.д.) предопределили слабое развитие и незначительность (во многих случаях) результатов проповеди православия. Все эти аспекты вполне наглядно выявились в ходе миссионерской деятельности, предпринятой Русской Православной Церковью в странах Востока, прежде всего на Дальнем Востоке – в Китае, Японии и Корее. Примечательными чертами существования русских духовных миссий в этих странах явились скромность масштабов их деятельности, зависимость от российских политических ведомств и международной обстановки, невысокая результативность их проповеднической работы (особенно в сравнении с аналогичными показателями, достигнутыми европейскими – католическими и протестантскими – миссионерами) с точки зрения наиболее наглядного параметра – количества обращенных (в этом плане, видимо, только результаты Русской Духовной Миссии в Японии, достигнутые во многом благодаря усилиям и миссионерскому таланту ее основателя и первого начальника – архимандрита (впоследствии Архиепископа Японского) Николая

(И.Д. Касаткин, 1836-1912), сопоставимы с параметрами деятельности европейцев). В целом же, как представляется, главными достижениями российских духовных миссий в Китае, Японии и Корее следует считать не обращение местного населения в православие, а установление контактов и содействие сближению России и этих стран, причем не только в культурном, но также, - а иногда и прежде всего, - в плане политическом. В первую очередь это касается Российской (Православной) Духовной Миссии (РДМ) в Пекине.

С момента учреждения на территории Китая (1715-1716 гг.) и до середины XIX столетия Российская Духовная Миссия не выделяла миссионерскую работу среди населения Цинской империи в качестве приоритетного направления своей деятельности. Этим она существенно отличалась от европейских (католических и протестантских) миссий, которые одну из важнейших задач своего пребывания в Китае видели именно в религиозной пропаганде, в приобщении местного населения к христианскому учению. Указанный период примерно в полтора столетия прошел для Российской Духовной Миссии в Пекине главным образом под знаком дипломатической и научной деятельности, но никак не строго миссионерской работы. Российское правительство постоянно призывало православных миссионеров к осторожности в действиях. Отсутствие широкой пропаганды христианства российскими миссионерами трактовалось российской дипломатией как яркая демонстрация невмешательства России во внутренние дела цинского Китая (в отличие от европейских государств, пытавшихся через миссионеров добиваться реализации своих политических и экономических целей). Результаты миссионерской деятельности Российской Духовной Миссии в Пекине оказались незначительны, поскольку масштабы самой этой работы были ограничены. Для этого имелся ряд серьезных объективных причин. В частности, российские миссионеры не могли покидать пределы Пекина для проповеди (не хватало средств и людей, а также – в определенные периоды истории – действовали суровые запреты со стороны цинских властей). В результате этого круг подопечных РДМ состоял, преимущественно, из албазинцев и некоторого количества китайцев и маньчжур, проживавших поблизости от русского подворья. Немаловажную роль играли и другие факторы. Например, длительное отсутствие в Китае епископской кафедры, без которой нельзя было проводить обряд рукоположения священников из числа албазинцев и китайцев. В церкви при РДМ долгое время не велось богослужение на китайском языке, практически отсутствовала переводная церковная и духовно-нравственная литература. Все это стало более или менее развиваться лишь со второй половины XIX века. Кроме того, стоит еще раз отметить незаинтересованность российского правительства в расширении миссионерской деятельности Русской Православной Церкви в Китае. Имея перед глазами примеры гонений, которым подвергались европейские миссионеры из-за своей иногда слишком активной религиозной деятельности, российские власти не хотели лишиться своего единственного официального учреждения в Цинской империи. Поэтому деятельность по распространению православия в Китае постоянно контролировалась и ограничивалась правительством России. Однако фактическое отсутствие миссионерской деятельности имело и свои

положительные последствия. Оно позволило российским миссионерам добиться успехов в дипломатической и политической сферах, способствуя установлению и нормализации отношений России и Китая. Именно в этот период зарождается российское востоковедение, поскольку первые ученые – ориенталисты и первые научные труды по различным областям востоковедения вышли из стен Российской (Православной) Духовной Миссии в Пекине именно в эти полтора столетия.

Таким образом, сопоставление масштабов и результатов миссионерской деятельности российских духовных миссий в Китае и в Японии возможно лишь в отношении периода, начиная со второй половины XIX века. С момента вступления в силу ряда трактатов (Тяньцзиньский (1858 г.), Пекинский (1860 г.)), заключенных Россией с Цинской империей, формально начинается новый этап в истории РДМ – период существования ее уже как чисто духовного, миссионерского института. Несмотря на то, что российские миссионеры никогда не ставили своей главной целью распространение православия на территории Китая, тем не менее, имела место несомненная активизация в этом направлении, во многом связанная с именем начальника 18-ой РДМ архимандрита (впоследствии епископа) Иннокентия (И.А. Фигуровского, 1863-1931), при котором в Китае была учреждена православная епископия, началось формирование национального клира.

И в Японии, как уже отмечалось, открытая проповедь христианства, в том числе православия, оказалась возможной лишь после заключения Японией с западными державами договоров, санкционировавших пребывание и деятельность представителей стран Запада на территории этой страны. После реставрации Мэйдзи (1868 г.) и восстановления главенства власти императора, несмотря на определенное умаление роли и прав ряда религиозных учений в связи с курсом на создание государственного синто в качестве главной общенациональной религии, христианская проповедь оказалась возможной благодаря тому, что христианство являлось религией европейцев, а Япония, в то время стремившаяся учиться и перенимать необходимые ей западные идеи и достижения, была заинтересована в налаживании со странами Запада всесторонних связей.

Необходимо подчеркнуть, что фактически создание Японской православной церкви, формирование ее паствы и национального клира, установление порядка организации и осуществления деятельности православной церкви являлось заслугой одного человека – Архиепископа Японского Николая. В действительности, «Святитель Николай создал в Японии православную цивилизацию...» [1, стр. 197].

В целом, основная «линия» истории Японской православной миссии в XX в. во многом схожа с судьбой Пекинской духовной миссии: необходимость выживания в условиях ограниченного финансирования и недостатка квалифицированных кадров, реализация курса на формирование собственного клира из представителей местного населения, многочисленные беды и сложности, связанные с различными внутри- и внешнеполитическими событиями, войнами, в которые оказались вовлечены эти страны, вынужденный

разрыв с Русской Церковью после революции 1917 г. с переходом под юрисдикцию Заграничного Синода русских православных церквей (Пекинская Миссия) и Американской Митрополии (Японская православная церковь), последующее возобновление канонических и иных отношений с Московской Патриархией и провозглашение автономии Китайской Православной Церкви и Японской Православной Церкви, соответственно. Тем не менее, в конечном итоге, судьбы православных церквей в Китае и в Японии оказались различны. В обеих странах в середине XX в. была проведена обязательная регистрация всех религиозных объединений. Однако Китайская церковь в силу различных причин (конфликты внутри руководства Церкви, разногласия между Московской Патриархией и китайскими иереями, отсутствие должным образом избранного главы Церкви, и т.д.) оказалась не в состоянии выполнить это требование. Создание Китайской Автономной Православной Церкви осталось формальным. Период «культурной революции» (60-70 гг.) в Китае, когда почти все православные храмы были разрушены или утрачены, большая часть национального клира погибла, а православная паства стремительно сокращалась, обусловил фактическое «исчезновение» православия на территории Китая. В настоящее время, несмотря на общее улучшение ситуации в отношении религий, существуют определенные объективные препятствия и ограничения (прежде всего, в области законодательства) для деятельности в сфере проповеди православия, в частности, для работы РПЦ, в Китае. Сейчас все мероприятия, реализуемые РПЦ и компетентными правительственными структурами КНР, следует рассматривать скорее как еще одно направление в деле расширения и укрепления внешнеполитических и культурных контактов России и Китая.

По иному сложилась ситуация с Японской Автономной Церковью, которая была зарегистрирована в 1953 г. в качестве религиозного юридического лица, именуемого «Японская Православная Церковь Христова», и, таким образом, ее деятельность и существование на территории Японии были санкционированы официально. Процесс обретения Японской Православной Церковью самостоятельности завершился в 1972 г., когда Святейший Патриарх Пимен (С.М. Извеков, 1910 – 1990 гг.; Патриарх Московский и всея Руси – 1971 – 1990 гг.) благословил назначение епископа Феодосия (Нагасима) Архиепископом Токийским и Митрополитом всея Японии. В настоящее время Японская Церковь имеет 3 епархии: Токийская архиепископия (20 приходов), епархия Западной Японии с центром в Киото (15 приходов) и епархия Восточной Японии с центром в Сэндай (32 прихода) [2]. Общее число православных верующих около 30 тысяч. «Японская Автономная Православная Церковь как поместная церковь является составной частью мирового православия» [1, стр. 197].

Таким образом, можно говорить о том, что при сходстве по ряду параметров истории Китайской и Японской православных церквей итоги их деятельности оказались весьма различны. Если первая в настоящее время существует, по большому счету, лишь формально, то вторая вполне успешно сохраняет свои позиции. В определенном смысле можно сказать, что наиболее значимыми результатами деятельности Православной церкви на территории Китая стали достижения в области науки (ориенталистики) и дипломатии, а

Японская православная церковь являет собой фактически единственный пример успешного распространения православия на территории другого государства.

Литература:

1. Саблина Э.Б. 150 лет православия в Японии. История Японской Православной Церкви и ее основатель Святитель Николай. Москва - Санкт-Петербург, 2006.
2. Данные приведены по материалам официального сайта Японской Православной Церкви: www.orthodoxjapan.jp.

УДК 327

Арутюнян Агавни Александровна, канд. ист. наук,
ст. науч. сотрудник Отдела стран Восточной Азии Института
Востоковедения Национальной Академии Наук Республики Армения,
Ст. преподаватель кафедры Всемирной Истории и зарубежного
регионоведения Российско-Армянского (Славянского) университета
aghavni.harutyunyan1@gmail.com

КИТАЙСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ «ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЯСА ШЁЛКОВОГО ПУТИ» В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИКИ «НОВОГО РЕГИОНАЛИЗМА»

Аннотация. Инициатива китайской дипломатии в новую эпоху – строительство «Экономического пояса Шелкового пути» – одно из наиболее знаковых и новаторских проявлений современных тенденций экономической регионализации и глобализации. Проект ориентирован, прежде всего, на сопредельные страны, и должен быть реализован в контексте геополитики нового или восточного китайского регионализма «идти вовне», иначе говоря – открытого приграничного регионализма, сущность которого в современном глобализирующемся мире заключается в обеспечении международного и регионального окружения, благоприятного для дальнейшего мирного гармоничного развития и устойчивого роста Китая. В случае успешной реализации он может коренным образом изменить геоэкономическую и геополитическую ситуацию в Евразии.

Ключевые слова и фразы: китайский открытый или восточный регионализм, геополитика нового китайского регионализма «идти вовне», китайский приграничный или трансграничный регионализм, «Экономический пояс Шелкового пути».

Harutyunyan Aghavni Alexandri, Ph.D. in History, Senior Fellow Researcher
Department of East Asian Countries at the Institute of Oriental Studies